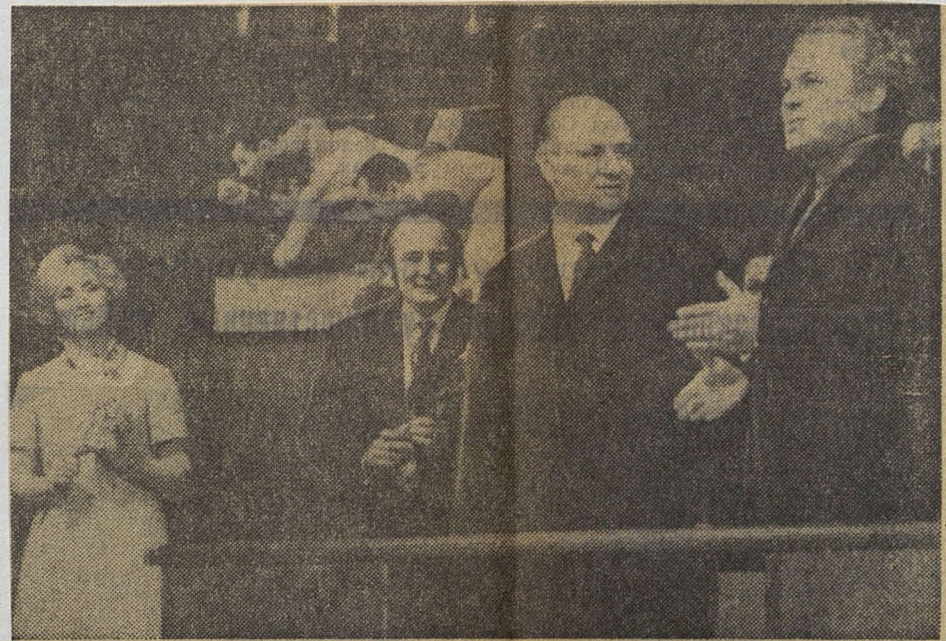


ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
Г. ПЕТРОЗАВОДСК

1979
4 2 НОЯ



ПО ПРИГЛАШЕНИЮ Карельского отделения ВТО и Финского драматического театра в Петрозаводск приезжал драматург Виктор Сергеевич Розов. В воскресенье он смотрел спектакль по своей пьесе «С вечера до полудня». В тот же вечер в Доме актера он выступил перед артистами и журналистами нашего города. Утром в понедельник драматург встретился со зрителями и участниками спектакля, поделился своими впечатлениями от постановки Финского театра. В полдень эта своеобразная зрительская конференция закончилась. Через несколько часов Розов уехал в Ленинград, где должен выступать на творческом вечере Г. А. Товстоногова. Из Ленинграда драматург возвратится домой, в Москву, где его ждут студенты Литературного института, где его ждет рабочий стол с начатой новой пьесой.

Интервью, которое В. С. Розов дал «Ленинской правде», началось воскресным вечером, за два часа до спектакля Финского театра и завершилось в понедельник, в полдень. Дело в том, что на один из вопросов — последний по счету, но не по важности — драматург мог ответить только после спектакля. Нетрудно догадаться, что вопрос касался отношения Розова к постановке Финского театра «С вечера до полудня».

Совсем немного найдется в нашей стране театров, где бы не шли пьесы Розова. В Петрозаводске большинство его пьес были поставлены на сцене Русского драматического и Финского театров. «Ее друзья», «Вечно живые», «В добрый час», «Неравный бой», «Затейник», «В день свадьбы», «Перед ужином», «Традиционный сбор» — своеобразен и богат розовский театр. Можно долго анализировать его своеобразность, разбирать проблематику и поэтику известных в нашей стране и за рубежом пьес. Но это — особая тема. Скажем только, что для самого Розова «самое выразительное, самое зажигающее слово со сцены

С ВЕЧЕРА ДО ПОЛУДНЯ

Беседа с драматургом Виктором Розовым

ны — это слово правды жизни, правды человеческих чувств». Так писал он десять лет назад. Это он отстаивает и поныне — не декларациями, а пьесами, где, если позволительно прибегнуть к терминологии естественных наук, «на молекулярном уровне» ведет исследование жизни человеческого духа, где утверждает необходимость не жалеть сердца, разума для «самого великого строительства — строительства человека».

Драматурга прежде всего привлекает проблематика строительства внутреннего мира, особенно внутреннего мира советской молодежи, проблематика утверждения личности, индивидуальности. Это известно каждому, кто смотрел розовские спектакли, читал его статьи. В одной из них, вошедшей в книгу «Мои шестидесятые», писатель говорил о том, что время требует от драматургии «точного, исследовательского подхода к явлениям мира и жизни человеческого духа». Это было написано несколько лет назад. Изменило ли прошедшее время его позицию в этом вопросе? Что он считает самым существенным в исследовании человека методами искусства?

С этого и начинается наша беседа с В. С. Розовым. — Время еще больше убедило меня в необходимости аналитического подхода. Особенно убеждает в этом развитие естественных наук, прежде всего биологии. Без учета ее достижений, — разумеется, не в прямой, а в сложной, опосредствованной связи, — художник сегодня не может обойтись. Очень хочется растолковать человеку: да не ищи ты на стороне, пошарь внутри, ты же богат. Это очень важный вопрос — об индивидуальности, о человеческой неповторимости. Для меня самое существенное, самое интересное в человеке — его индивидуальность. Я очень люблю слова Достоевского: «Чем больше в нас силы духа и внутреннего содержания

ния, тем краше нам угол и жизнь». Речь идет о счастье. Внутренняя гармония человека — исходная позиция для радости. Обуславливается эта гармония не одной только личностью, а ее связью с другими людьми — в семье, в твоём коллективе на работе, в городе, стране, мире.

«В поисках радости» — называлась одна из розовских пьес. Поиски радости, смысла жизни, внутренней гармонии ведутся в той или иной мере во всех произведениях драматурга. Каждое из них близко и дорого автору. И все же есть ли у Розова любимые детища?

— Мне ни одна моя пьеса не нравится до конца. Но отдельные куски, отдельные сцены меня устраивают. Даже в первой принесенной мной в театр пьесе «Ее друзья» (было это в 1949 году), где что-то сейчас представляется выпяченным, несовершенным, есть сцены для меня симпатичные, многое — по взаимоотношениям персонажей — и сейчас органично. Правильно написан первый акт «Затейника». Что значит «правильно»? Я имею в виду отсутствие заданности, писал его как этюд. Второй акт сочинил, чтобы была пьеса. Он нравится меньше. Встречаются неплохие куски в пьесах «В поисках радости», «В день свадьбы», «С вечера до полудня». А целиком хорошая пьеса — та, которую собираешься написать и знаешь, что не напишешь никогда. С возрастом увеличивается разрыв между твоим пониманием и твоими возможностями. Но когда садишься за стол работать, об этом надо забыть. Иначе ничего не рассчитаешь.

В драматургию приходят по-разному. Виктор Розов, прежде чем написать свою первую пьесу, был несколько лет актером, некоторое время занимался режиссурой. Человеку театра, ему внутри знакома внутренняя механика театрального механизма. Благотворность этого знакомства очевидна. Но не мешает ли это ему воспринимать постановки собственных произведений? Как часто совпадает его видение и трактовка режиссера? Какие спектакли ближе всего ему по духу?

— У меня нет жесткого видения своей пьесы на сцене: мол, только так и не иначе она должна быть поставлена. Скажу больше, я, когда пишу, что герой вошел в комнату, не вижу, как он вошел, но я чувствую, как он вошел.

По духу мне ближе всего постановки моих пьес Эфросом в Центральном детском театре, работы «Современника», «Традиционный сбор» у Товстоногова в БДТ, «Затейник» — в театре Моссовета, «В дороге» — в Национальном театре ГДР в Берлине, «С вечера до полудня» — в театре имени Йозефа Атииллы в Будапеште. Должен сказать, что мне удивительно везло на режиссуру и на исполнителей. Какая большая радость видеть свои пьесы, поставленные Эфросом, Ефремовым, Товстоноговым, с такими прекрасными актерами, как Сперантова, Заливин, Ефремов, Бортников, Юрский, Лавров.

Раз уж зашла речь о режиссерах и актерах, я прошу Виктора Сергеевича назвать его любимых современных мастеров театра, самых чтимых им писателей, сказать о тех прекрасных потрясениях, какие испытал он в последние годы от встреч с истинно высоким искусством.

— Ближе других мне режиссура Эфроса и Ефремова. С большой симпатией отношусь к Хейфецу. Все лучше и лучше спек-

такли получаются у Любимова. Поразила меня буйством фантазии его «Что делать?». Из ленинградских мастеров больше всех нравится Товстоногов. Потрясения, испытанные в последние годы на театре? «Мещане» у Товстоногова, «Петербургские сношения» у Завадского, мюзикл «Человек из Ламанчи», который я видел в Париже, и «Пляска смерти» Стриндберга в лондонском театре «Олд Вик» с удивительным Лоуренсом Оливье.

А вот о самых почитаемых писателях, о самых необходимых, родных говорить очень трудно. Раньше я всегда отвечал: Достоевский и Чехов. Их боготворю и поныне, но называть только их, а других, тебя сформировавших, не вспомнить — разве можно? Разве можно быть неблагодарным и забыть о Майн-Риде, Купере, Фонвизине, Грибоедове, о великих поэтах, обо всех, кто давал тебе счастье? Чем больше живешь, тем больше убеждаешься, что тебе много надо, очень много. В разные периоды жизни, даже в разный час нужны тебе разные собеседники.

У В. С. Розова немало общественных обязанностей. Он возглавляет творческое объединение московских драматургов, состоит членом художественного совета «Современника» и художественного совета Центрального детского театра, ведет семинар по драматургии в Литинституте. А главная его «обязанность», главное дело его жизни — писать пьесы. Вполне естественно в ответ на вопрос «Над чем вы сейчас работаете?» услышать от драматурга:

— Пишу пьесу. Я очень люблю свою работу, получаю от нее удовольствие. Со стороны иной раз кажется, что я быстро работаю: в среднем трачу на пьесу год — год и три месяца. Но я не считаю, что мне легко пишется. Вот и сейчас у меня был довольно большой перерыв — после того, как сделал «С вечера до полудня». Когда собственная пьеса не писалась, делал перевод и сценическую редакцию пьесы молодого эстонского драматурга Каугвера «Свой остров». Читал на труппе, «Со-

временник» ее собирается поставить к XIV съезду партии. Сделал перевод и сценическую редакцию пьесы венгерского драматурга Дарваша «Пропасть». Ее принял к постановке Малый театр. Когда закончу свою пьесу? Не знаю определенно, очевидно, к весне.

Последний вопрос — о том впечатлении, какое произвел на автора спектакль Финского театра, — мне задавать не пришлось. Актерам не терпелось узнать мнение Розова о спектакле, который поставил Л. Е. Хейфец на сцене Финского театра, и они первыми попросили драматурга высказать свое мнение.

Приятно, что у автора осталось благоприятное впечатление от постановки. Это был пятый спектакль по этой пьесе («Современник», БДТ, Рижский ТЮЗ, театр Йозефа Атииллы в Будапеште), который видел ее автор. Он не стал сравнивать эти работы, ибо, с его точки зрения, такие сравнения неправомерны, неправомерны. Каждый спектакль решен по-разному.

— Мне понравилась общая тональность постановки — удивительно благородная. Хорошо, что ничего не выставляется напоказ — это свидетельство высокой актерской культуры. Принимаю я и внешний облик спектакля. Очень удачно крупное фото бегунов — поэтическое выражение сути того, что я хотел сказать.

Розов подробно разобрал каждую актерскую работу, особенно выделил О. Бьёрнинена (Ким) и В. Кеттунен (Нина). Драматург сделал и ряд критических замечаний, которые, думается, будут учтены театром.

И, как накануне, после спектакля со сцены театра, в понедельник он сказал актерам:

— Хорошее у нас с вами дело — театр. Прекрасное!

А. САМОЙЛОВ.

На снимке: на сцене Финского драматического театра в воскресенье, 15 ноября. Артисты и зрители приветствуют драматурга В. Розова (второй справа).